

²² Успенский Л.А. Богословие иконы Православной церкви. – М., 1989. – С. 136, 149.

²³ Языкова И.К. Богословие иконы. – М., 1994. – С.17.

В.И. Широкова

ИЗУКРАС КОЛОКОЛОВ: К ПРОБЛЕМЕ ДУХОВНОЙ И ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛОРУСОВ

Колокол – один из предметов духовной и материальной культуры белорусов. Появившийся в Полоцком княжестве после крещения Киевской Руси, колокол на протяжении последующих веков разделит судьбу наших предков, стал свидетелем и участником важнейших исторических событий в жизни белорусского народа. Сначала его использовали как богослужебный предмет, а в дальнейшем стали применять и для других целей: в зависимости от выполняемых функций колокола были сторожевые, часовые, вечевые (в городах, получивших Магдебургское право), метельные, пожарные, судовые, а более мелкие – колокольчики – ямщицкие (поддужные), школьные, пастушеские и др.

Самые любовные и благоговейные чувства белорусы проявляли к церковным колоколам. По существовавшей христианской традиции в момент отливки колокола читали специальные молитвы, а перед тем, как повесить на колокольне, служили чин освящения. Разбитые или пострадавшие во время пожаров, войн и других бедствий колокола не выбрасывали, а переливали.

Сохранившиеся до наших дней белорусские колокола поражают совершенством формы, звуковыми свойствами, богатством изукраса и являют собой образец художественного литья белорусов. Колокол привлекает к себе внимание специалистов из многих областей знания: историков, музыковедов, физиков, этнографов, металлургов, искусствоведов и др. Письменные источники, археологические находки, сохранившиеся до нашего времени старинные колокола, собранный нами иллюстративный материал позволяют сделать определенные выводы об изукрасе белорусских колоколов.

Отличительной особенностью белорусских колоколов является сравнительно небольшой их размер. Здесь мы не встретим колоколов-гигантов, как в России, где они достигали 8, 10, 12 тысяч пудов весом. Белорусские колокола были средних размеров, но очень звучные и отличались богатым изукрасом. В него традиционно входили:

1) изображения ангелов, Пресвятой Богородицы, Николая Чудотворца и других святых (например, на Жировицкой колокольне повешен один колокол с изображением Пресвятой Богородицы, другой – св. Николая Чудотворца; в Полоцком национальном историческом музее-заповеднике находится сейчас колокол, на котором изображена

Пресвятая Богородица и т.д.). Иконы на колоколе сохраняли свои канонические формы. В народе колокол называли “Молитва в бронзе”, а колокольный звон – “Глас Божий на земле”;

2) гербы. Известный Молодовский колокол (1583) имеет изображение герба рода пана Симеона Войны: три рога, три реки и пятиконечная звезда; Полоцкий (1699) – герб рода Дешпот-Зеновичей; Кричевский (1748) – герба Российской империи и т.д.;

3) орнамент. Он мог быть простым или довольно сложным, включающим, кроме растительных мотивов, еще и фигуры зверей, животных, извилистые линии, круги и пр. Так, Молодовский колокол декорирован “рельефным орнаментом ренессансного характера: изображения мифологических существ (крылатые кони, львы, олени и пр.) в медальонах, образованных непрерывно извилистым стебельком”¹. Кричевский колокол декорирован в верхнем поясе вязью из гроздьев ягод и трехлепестковых цветов, а в нижнем – вязью из тесно переплетенных растительных элементов и изображений ангелов. Широкий орнамент Петриковского колокола (1811) представляет собой тонкие ажурные веточки с маленькими, только еще распускающимися листочками. Снизу их окаймляют две тонкие полоски, а сверху, словно ожерелье, – рядок из округло-продолговатых ятодок. На других колоколах довольно часто встречается орнамент в виде треугольников из растительных элементов;

4) сокращения, аббревиатуры, монограммы. Они представляют определенные трудности при расшифровке и интерпретации, так как возможны при этом разночтения. Так, славянская надпись на Мядельском колоколе (1695) содержит сразу несколько аббревиатур: “Сей звонъ, улитый в мести Е.К.М. у Мядели при церкви благочестивой Святыя и Живоначальныя Троицы коштом и накладом великого братства. Року / АХЧЕМ. Октобра К дня И.С.Г.Д. старосты I.H.S.”;

5) надписи. Они также являются важным элементом изукрашения и в сочетании с другими создают неповторимый декор колокола. Для наших современников надписи на древних колоколах составляют богатый материал для эпиграфики, палеографии, истории и других научных дисциплин.

Желание отразить исторические события и свое отношение к ним посредством наскальных надписей присуще человеку с давних времен. Известно, что “древние греки для сохранения актов официальной жизни в ряде договоров, постановлений прибегали к помощи такого материала, как камень, бронза и т.д., на котором буквы нужно было не писать, а вырезать”². Буквы при этом имели угловатый характер. Примером этого письма на Беларуси являются во множестве разбросанные на ее землях Борисовы камни. Наиболее ранним свидетельством того, что на белорусских колоколах делались надписи, являются обломки колоколов Нижней церкви, найденные археологами на Зам-

ковой горе древнего Гродно (Гародни). “На адным з іх захавалася частка вацыйнага надпісу – “рабу”. Другі звон упаў у час пажару 1183 г.”³.

По-видимому, многие колокола, применявшиеся в богослужении, не имели надписей. Однако с конца XIУ ст. традиция делать содержательные надписи на тулове колокола становится все более постоянной, а затем и характерной особенностью отечественного колоколотейного искусства. Этапы истории белорусского края отразились на характере и содержании колокольных надписей. Встречаются надписи на церковно-славянском, латинском, старобелорусском, немецком, польском языках, а также на славянском, но выписанные латиницей.

На колоколах были разные типы текстов: 1) молитвы к Богу (просительные или прославляющие); 2) фундушевые записи (дарственные); 3) подписи (мастеров-литейщиков); 4) дата отливки, 5) панегирик (хвалебное слово умершим). Разные типы текстов могли писать на разных языках, поэтому на одном колоколе нередко можно обнаружить сочетание сразу двух-трех языков: латынь и польский, старобелорусский и немецкий (готика), славянский и латынь и т.д. Это объяснялось переходным периодом от ситуации двуязычия (Великое княжество Литовское - ВКЛ) к ситуации четырехязычия, когда ВКЛ было в составе Речи Посполитой. Тогда на Беларуси фактически существовало письменное четырехязычие с определенным разделением функций отдельных языков. Церковно-славянский язык как литургический применялся в православной и униатской церквях, белорусский письменный – в поучительной и служебной литературе сторонников униатства, польский – в канцелярско-юридической практике, латынь – в науке⁴. В связи с функционированием разных школ письменности и использованием разных типов письма (устав, полуустав, скоропись) буквы применялись в нескольких вариантах.

Тексты-молитвы на колоколах чаще писали по-латински. Так, в верхней части Полоцкого колокола надпись “Gloria in Excelsis Deo” - Слава в Вышних Богу. На колоколе села Носилово Вилейского района (1698): “Gloria soli Deo” – Слава единому Богу.

На Миорском колоколе (1644) молитва “Духа Твоего Светаго нетими ѿ нас молимгисіа челоуеколіубче. Аллїлуїа”, а затем и фундуш написаны славянскими буквами. Однако имя мастера, отливавшего колокол, дано на латыни: “Fecit me Gabriel Dorofieiwicz. Polotaie”.

Фундушевые записи могли быть очень короткими, в таких случаях писали “от раба Божия” или сокращенно Р.Б. На колокольные Свято-Петро-Павловского собора г. Минска сейчас есть два небольших колокола с именами пожертвователей “Р.Б.Никиты”, “Р.Б.Кириены”. Но бывали и более подробные записи. Так, А.Сапунов пишет, что на колокольные церкви Воскресения Христова г.Дисны висел колокол в 30

пудов весом, надпись по-славянски на котором гласит: “Благословением Бга Оца и постижением Сына и совершением Святаго Духа создася сеи дзвон в Богоспасаемом граде Десне при церкви Воскресения Христова, старанием и коштом пана Гавриила Кривенки и жены его Настаси. Року / АЧКЗ (1727) мца сент пана бурмистра Рия... чая”⁵.

Особенностью надписей на белорусских колоколах являлось сочетание буквенного и цифрового обозначения даты отливки: полной с указанием года, дня и месяца или неполной, с указанием только года. На одних колоколах год отливки обозначался от Сотворения мира, других – от Рождества Христова. Второй способ имел варианты: цифровой (Петриковский колокол – 1811) и буквенный (Мядельский колокол – “РОКУ / АХЧЕ М. ОКТОНБРА К ДНЯ”, т.е. года 1695 от Рождества Христова месяца октября 20 дня. Миорский – “РОКУ / АХМД мца ноіабра В дня”, т.е. года 1644 месяца ноября 2 дня). Реже использовали оба обозначения (Дисногородский – “ / АЧД мца маяя 2 день”, т.е. 1704 года месяца мая 2 дня).

Остановимся на некоторых наиболее крупных богослужбных колоколах. А.Милинкевич приводит из монографии М.Бранштейна самое раннее упоминание о колоколе Великого княжества Литовского, содержащем надпись. Упоминание было взято с летописи тракайских монахов конца XIV ст.⁶ Надпись на старобелорусском языке свидетельствует о том, что он был отлит на средства Иакова Андреевича (Ягайлы) и его матери Ульяны Александровны, тверской княгини и второй жены великого князя Ольгерда, в год смерти которого и был отлит этот колокол. “Се раб Божий Иаков Ондресвич с матерію своею Уляною Александрова... В.К.Л. (видимо, великой княгиней литовской) дали есьмо сеи колокол улит в церков Св. [Д]еве Параск[евии] ... в Вильни во вики. 6885”. Имя мастера – K.S.Skobelt – было написано готичными буквами. Он отлил колокол в 1377 г. и был, видимо, превосходным мастером. Колокол, довольно большой для того времени, весил 645 фунтов. На тулове изображение Пресвятой Богородицы.

А.Милинкевич дает описание колокола, сделанного местным мастером Устяком в 1420 г. для костела д. Неводницы около Белостока⁷. На нем была надпись кириллицей: “Въ лето 6928 создан бысть колокол С[вя]тей Троицы повелением раба Б[ож]ия пана Шедибора Волимонтовича + а мастер Устяк”. Это произошло уже после подписания династической унии между Литвой и Польшей, когда король Ягайло намеревался перекрестить в католическую веру православное большинство жителей Литвы, чтобы сделать частью католической Западной Европы. В Великом княжестве Литовском в это время культура и письменность достигли более высокого уровня развития, чем в

Польше, поэтому Ягайло, переехав в Краков, привозил туда с Беларуси отличных мастеров для украшения королевских палат и святынь в столице Польши.

Совершенно уникальное явление в культуре белорусского литейного искусства представляет Молодовский колокол (“Марцін Гофман меня слівал року 1583”), отлитый из меди. Опубликована довольно большая статья “Звон у Моладаве” авторов Э.И.Ветер и Ю.В.Ходыко⁸, поэтому подчеркнем лишь некоторые особенности его. Текст-панегирик, написанный на белорусском языке латинскими буквами, занимает почти всю внешнюю поверхность Молодовского колокола и в дополнение к орнаментальному поясу играет роль декора. Как известно, панегирик – это похвальное слово умершим, включающее нередко наставления живым в духе веры и церковных установлений⁹. Высеченный на колоколе текст содержит более 1000 букв и группируется в шесть колонок, под одной из которых герб рода. Панегирик посвящен одному из известных людей того времени Войне Мацисвичу Хрестину, каштеляну Мстиславскому, старосте Оскому, Переломскому, Уборскому, подкоморему Пинскому, во славу честных предков послужившему “Королю и Великим князем Литовским и посполитой”. прожившему до 90 лет и почившему “року Божего 1582 дня 15 мая”. Из текста мы узнаем, что он с любовью прожил с женой своей Богданой Иоанновной Любейской “в боязни Божы в добрей едностайней милости и згоде и в законе старожытном церкви собору Греческого”, что у него было много сыновей и дочерей, которых он “яко патрыярх Иаков сыном своим, благословил”, узнаем, что дети его получили доброе образование и воспитание. Отлит колокол по заказу и на средства его сына Семена Войны, старосты Поморского, Полонговского и Горджовского, тивуна земли Жомойской Узвенского, ревизора Короля “тот звон ест улан славным месте Ковне і надан до церкви Божей в ымені іх м. отчыстом в Молодове на веки непорушно”.

В конце текста дано обращение к колоколу, чтобы он своим звон-молитвой умилиствовал Господа Бога о ниспослании своей благодати и прочих даров дому рода Войнов: “Звон доброгласным голосем звоне... отдавай всегда Створыгелю хвалу в зацным Войновом доме, знісімрну славу, побуждай всіх до церкви Господней, до молитвы Богу... всякая благодати свої, милосці подем, благоволі нам сіе даты, дай дом сей до богатно, благословітса на многіе лета і да не оскудеет слава его до скончания света...” На Молодовском колоколе есть выбоина и расколина.

Больше сведений имеется о колоколах XVII - XVIII вв. Это Мирские (1644, 1710), Мядельский (1695), Полоцкий (1699), Дисненские (1704, 1727, 1751), Слуцкий (1780), Радощковичские (1754, 1755), Крайский (1715), Долгиновские (1669, 1679, 1796) и др. колокола.

В коллекции колоколов Полоцкого национального исторического музея-заповедника обращает на себя внимание колокол, который представляет несомненную историческую ценность. Он средней величины, очень красивой формы. На одной стороне тулова колокола изображен образ Пресвятой Богородицы с младенцем на левой руке и со скипетром в правой. В верхней части колокола надпись по латыни *Gloria in Excelsis Deo. Me fecit BF*, т.е. “меня отлил” – и инициалы, по всей видимости, известного литейщика Бенжамина Фингерлинга, который работал в Вильно в первой половине XVIII ст. (ср. год отливки колокола 1699). Текст в нижней части колокола содержит сведения о человеке, на средства которого был отлит колокол: *Aedifikavit Janusz Deszpót z Bratoszypu Zenowicz Podkomorzý Połocki*. Старинный белорусский род Зеновичей берет свое начало в середине XIV в. от Братоша, у которого был сын Зиновий, давший фамилию роду. В отличие от других родов Зеновичей (например, Корсак-Зеновичей) представители этого рода указывали “с Братошину”, т.е. с той местности, с того рода, начало которому положил его основатель Братош. На тулове колокола изображен герб рода Дешпот-Зеновичей, отличительной особенностью которого является ворон, как бы Слеповрон, держащий в рту перстень с диамантом. Окаймляют герб как бы лавровые зеленые ветви. Частью изукраса колокола являются и большие буквы, которые расположены по обеим сторонам герба.

Справа:	I	Слева:	D
Z	B	Z	
	P	P	

По-видимому, это инициалы человека, заказавшего колокол. Если их расшифровывать по горизонтали, то в переводе на русский это означает: Януш Дешпот с Братошина Зенович подкоморий Полоцкий. Колокол необыкновенно красивый по форме и, возможно, обладал красивым звуком, но послушать его не можем, поскольку он имеет скол и трещинки. К сожалению, на многих древних колоколах есть повреждения: сколы, трещины, отсутствие короны (ушей) и пр. Поэтому актуальными сегодня являются вопросы реставрации и сохранения старинных памятников, к которым относятся Молодовский, Полоцкий, Долгиновский и другие колокола.

В XIX – начале XX в. в Белорусию поступали колокола с крупнейших российских заводов Оловянишникова, Самгина, Финляндского и др. На белорусских колокольных заводах появились колокола с типично русским народным орнаментом (например, бронзовый колокол 1855 г. церкви дер. Городьки Воложинского района Минской области). На колоколах заводского производства выставлялось наименование и клеймо-штамп завода. Изукраса стал менее оригинальным и разнообразным из-за поточного метода производства. Однако качество самих колоколов было довольно высоким, а завод Оловянишникова разрабо-

тал новую технологию производства, позволявшую изготавливать наборы колоколов по определенным тональностям (ладам) и аккордам.

Рассмотрев некоторые особенности и характеристики изукраса белорусских колоколов, следует отметить, что литейное искусство развивалось в направлении удовлетворения духовных потребностей человека в прославлении Бога, служении ему, устремленности к высшим духовным и нравственным ценностям. Выработанные веками традиционные формы и виды изукраса колоколов имеют большое значение и для современной Беларуси. С 1995 г. возобновилось литье колоколов на ООО "Отменное литье" г. Минска, где поставлена задача сохранения старинных белорусских традиций художественного литья.

¹ Вецер Э.І., Хадыка Ю.В. Звон у Моладаве // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – 1971. - №1. - С. 31 – 33.

² Брокгауз Ф., Эфрон И. Энциклопедический словарь. - СПб., 1897. - Т.22. - С. 610.

³ Мілінкевіч А. З гісторыі званоў // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. - 1988. - №4. - С. 21.

⁴ Беларуская мова: Энцыклапедыя – Мн., 1994. - С. 481.

⁵ Сапунов А., Друцкой-Любецкой В. Материалы по истории и географии Дисненского и Вилейского уездов Виленской губернии. - Витебск, 1896. - С. 107.

⁶ Мілінкевіч А. З гісторыі званоў // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – 1988. - №4. - С. 21.

⁷ Тамсама, с. 22.

⁸ Вецер Э.І., Хадыка Ю.В. Звон у Моладаве // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. – 1971. - №1. - С. 31 - 33.

⁹ Брокгауз Ф., Эфрон И. Энциклопедический словарь. - СПб., 1897. – Т.22. - С. 690.

А.У. Рагуля, С. Карбаценка

КРЫЖ ЕЎФРАСІННІ ПОЛАЦКАЙ – ПМНІК БЕЛАРУСКАЙ ПСЬМЕННАСЦІ

Гаварыць аб часе, у які былі зроблены тыя ці іншыя рэчы, аб эстэтычных каштоўнасцях часу, аб сацыяльным укладзе, аб светаўспрыманні, аб людзях, якія стварылі гэтыя рэчы, і яшчэ шмат цікавага, патаемнага можа нам паведаміць простая шкарпэтка, нейкі збан, манета, ручнік, словам, усё тое, што было да нас, да нашай матэрыяльнай свядомасці. Зірніце, гэта простыя прылады працы, упрыгожванні, вопратка. А што можна казаць аб рэчы, якая мае духоўную каштоўнасць, матэрыяльную і інфармацыйную каштоўнасці? І вось такой рэччу з'яўляецца помнік мастацкай культуры, помнік духоўнай спадчыны беларусаў, помнік святой веры хрысціянскай, сведка жыцця прападобнай Еўфрасіні, ігуменні Полацкай, якая дакраналася да яго сваімі тонкімі духоўнымі пальцамі,